

Голоса из Берлина и Витербо

*Ветер черную пыль вздымает легко.
С могильных плит имена сдувает,
наши вносит взамен
и этот день проставляет.*

Гюнтер Айх, Воспоминание.

Гюнтер Айх (1907 – 1972), один из самых значительных немецких радиодраматургов, а также поэтов XX века, у нас почти неизвестен. А ведь Премия группы 47, премия им. Георга Бюхнера и ряд других литературных премий свидетельствуют о признании современников. У Айха вышли семь стихотворных сборников, а его короткая проза составила довольно объемный том в собрании сочинений. Наряду с этим он написал около 40 радиопьес, первую – в 1932 году. То есть каждый год, за вычетом предвоенных и военных лет, выходили и звучали по радио одна-две пьесы Гюнтера Айха.

В этом громадном радиотеатре [пьеса «Школьницы из Витербо»](#) занимает особое место. Не только из-за темы преследования евреев в Третьем райхе. Разве мало написано об участии немецких евреев при нацистах? Да, тогда в 1953-1958 гг., в годы её написания, эта тема была сверхактуальной. Однако и сегодня радиопьеса захватывает, не дает оторваться от текста до заключительной реплики. Почему, собственно? Мы же так нестерпимо много об этом знаем. На мой взгляд, сейчас и здесь центр тяжести нашего внимания при чтении «Школьник их Витербо» несколько смещается. Пьеса со всей жестокой оглушительной прямоотой ставит вопрос о готовности противостоять вызову смерти, навязанному извне.

Разбор и перевод нескольких сцен из пьесы стал пару лет назад темой двух украинско-русско-белорусских переводческих мастерских, которые под патронатом Гете-Института проводились в Киеве и Минске. В работе мастерских участвовали несколько украинских переводчиков, два – на русский и одна – на белорусский. После мы заканчивали переводы по отдельности.

Действие пьесы протекает в двух странах и соответственно на двух уровнях: наземном – берлинском и подземном – римском. Поэтому переводчики, Неля Ваховська, Татьяна Баскакова и я, решили объединить два перевода – представить наземные события в пьесе по-русски, а подземные – на украинском. Соображений было несколько. Во-первых, мы живём в стране, где каждый знает два языка, украинский и русский. Во-вторых, в пьесе два непересекающихся мира, где, развиваясь в разном направлении, события перекликаются лишь внутренними смыслами и в то же время могут быть поняты как два состояния одного сознания. Почему бы им не совершаться, не звучать в радиоспектакле на разных языках?

И последнее: кажется, в нашей стране преследования так или иначе коснулись в прошлом столетии всех: русских, украинцев, евреев, ромов, греков, крымских татар, поляков... пусть

меня простят те, кого упустил. Ныне, в XXI веке, тут четвертый год продолжается война. Всё, как обычно: убитые, раненые, заложники, теракты, беженцы. Люди, словно в состоянии амнезии, преследуют и истребляют друг друга из высших, разумеется, соображений. Посему нам бы хотелось, чтобы пьеса прочиталась, а голоса из Берлина и Витербо прозвучали сразу на всех наших языках. Однако это невозможно. Ну, пусть хотя бы на двух. На двух мовах удвічі гучніше.